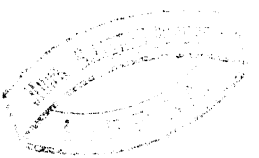
С. К. Булич.

А. А. ПОГОДИНЪ. Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ. Варшава. 1903. 8°. VIII + 312 стр.

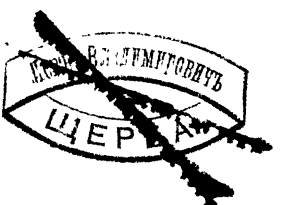


САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас., Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Б

С. К. Буличъ.

А. А. ПОГОДИНЪ. Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ. Варшава. 1903. 8°, VIII + 312 стр.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас., Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Б 1
Бул 93

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1905 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
458
54

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. X (1905 г.), кн. 2, стран. 420—439.

А. А. Погодинъ. Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ. Варшава. 1903. 8°. VIII+312 стр.

Автору названной книги нельзя отказать ни въ начитанности (къ сожалѣнію идущей гораздо болѣе въ ширь, чѣмъ въ глубь), ни въ извѣстныхъ знаніяхъ (весьма, однако же, не систематичныхъ и страдающихъ нерѣдко крупными пробѣлами), ни въ очевидномъ научномъ интересѣ къ лингвистическимъ вопросамъ и желаніи войти въ нихъ, ни въ несомнѣнныхъ способностяхъ, наконецъ. Къ сожалѣнію, указанныя положительныя свойства г. Погодина, какъ ученаго, парализуются крупными недостатками по части научнаго метода и положительнаго знанія, лишающими его книгу въ глазахъ лингвиста того значенія, которое она могла бы имѣть, если бы авторъ дѣйствительно научно разработалъ свою небезъинтересную тему.

Указанные недостатки тѣмъ страннѣе, что г. Погодинъ далеко не новичекъ въ облюбованной имъ области знанія и является авторомъ цѣлаго ряда научныхъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ, встрѣчаемыхъ въ теченіе, пожалуй, уже цѣлаго десятка лѣтъ на страницахъ разныхъ спеціальныхъ журналовъ. Большинство этихъ прежнихъ работъ г. Погодина (кромѣ, разумѣется, чисто фактическихъ собраній матеріала, рефератовъ о разныхъ книгахъ, рецензій и т. п.) страдало тѣми же недостатками, какъ и его послѣдній трудъ, но читатель ихъ все же могъ еще питать надежду, что съ теченіемъ времени, въ будущемъ, нашъ ученый отдѣлается отъ своихъ недостатковъ и подаритъ русскую науку дѣйствительно цѣнной работой, достойной его способностей и разносторонникъ научныхъ интересовъ.

Послѣдній трудъ г. Погодина, однако, вполнѣ разрушаетъ

эти надежды и заставляетъ думать, что авторъ его не призванъ къ настоящей научной работѣ въ области лингвистическихъ изслѣдованій, къ которой онъ, однако, упорно возвращается, очевидно, въ силу дѣйствительнаго къ ней влеченія.

Не будучи спеціалистомъ языковѣдомъ, г. Погодинъ въ своей книгѣ несомнѣнно вторгается въ область сравнительнаго языкознанія. Мы, впрочемъ, очень далеки отъ желанія ставить это въ упрекъ автору. Совсѣмъ напротивъ! Языкознаніе—цѣльная единая наука, и ея многочисленные отдѣлы въ нашихъ глазахъ отнюдь не представляютъ собой частныхъ владѣній, отдѣленныхъ другъ отъ друга высокими заборами съ категорическими надписями: «входъ постороннимъ строго воспрещается». Истинный ученый можетъ быть желаннымъ гостемъ и работникомъ въ любомъ отдѣлѣ науки, если онъ имъ заинтересованъ. Было бы нелѣпо запрещать зоологу, работавшему раньше въ области орнитологіи, заниматься ихтіологіей или изученіемъ безпозвоночныхъ и т. д. Предполагается само собой, что орнитологъ возьмется за изученіе рыбъ, насѣкомыхъ, мягкотѣлыхъ и т. п. съ тѣмъ же научнымъ методомъ, который онъ примѣнялъ, изучая птицъ. Но всегда предполагается, что онъ владѣетъ этимъ методомъ...

Въ области языкознанія мы также вправѣ требовать, чтобы каждый работникъ въ томъ или другомъ ея отдѣлѣ вполнѣ владѣлъ лингвистическимъ методомъ, который, разумѣется, долженъ быть одинаковъ и у слависта, и у кельтиста, и у германиста, словомъ, у любого спеціалиста языковѣда. Необходимость такого требованія настолько очевидна, что его выдвигаютъ не только сравнительные и общіе языковѣды, но и «историки языка», любящіе у насъ противопоставлять себя «сравнителямъ» и даже превозноситься надъ послѣдними... Такъ акад. А. И. Соболевскій писалъ недавно («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1904, Февр., 481): «По нашему мнѣнію лингвистомъ можетъ быть лишь ученый, равно владѣющій и историческимъ и сравнительнымъ методомъ изслѣдованія, наученный опытомъ и сравненія, и изслѣдованія по памятникамъ». Впрочемъ, по словамъ нашего ученаго, «практика показываетъ, что спеціалисты по сравнительному языкознанію (а въ Россіи даже и спеціалисты по русскому языку) обыкновенно бываютъ исключительно сравнителями, не умѣющими даже стать на историческую точку зрѣнія, не только воспользоваться опытомъ историковъ. Отсюда ихъ смѣлость въ построеніи обще-индо-европейскихъ, общеславянскихъ и т. д. звуковъ и формъ; тогда какъ историкъ затрудняется дать точныя свѣдѣ-

нія о московскомъ говорѣ XIV в., сравнитель воздвигаетъ зданіе индо-европейской фонетики съ такою деталью, какъ подвижность неслоговой части дифтонга»....

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что вышепомянутое признаніе необходимости знакомства съ сравнительнымъ методомъ со стороны «историковъ» языка на дѣлѣ не выходило у нихъ изъ области теоріи и оставалось чисто платоническимъ. Болѣе того, упрекъ въ смѣлости quasi-научныхъ построеній, брошенный «сравнителямъ», можетъ быть полностью возвращенъ нашимъ лингвистамъ «не сравнителямъ», блестящимъ доказательствомъ чего служитъ между прочимъ и разбираемая книга (причислить г. Погодина къ «сравнителямъ» мы, вѣдь, по чистой совѣсти никакъ не можемъ: для этого онъ слишкомъ мало знакомъ съ элементарными требованіями сравнительнаго метода).

Читатель поверхностный и тѣмъ паче недостаточно освѣдомленный, перелистывая книгу г. Погодина, вынесетъ даже, пожалуй, пріятное впечатлѣніе. Его можетъ поразить начитанность автора, дѣйствительно, повидимому, желавшаго войти въ богатую, можно сказать, почти необозримую литературу сравнительнаго и общаго языкознанія и по возможности использовать ее въ интересахъ своего изслѣдованія. Одинъ указатель авторовъ, цитированныхъ въ книгѣ, насчитываетъ болѣе 330 именъ славянскихъ и европейскихъ ученыхъ. Это доброе намѣреніе, разумѣется, заслуживаетъ всяческаго одобренія и было уже нами отмѣчено раньше («Извѣстія» 1904 г., кн. III, стр. 420 и 422) еще у одного изъ нашихъ молодыхъ славистовъ [1]), которые, повидимому, перестаютъ чураться сравнительнаго языкознанія.

Рядомъ съ начитанностью г. Погодина, поверхностнаго читателя поразитъ, пожалуй, также лингвистическая и прочая эрудиція нашего ученаго Обиліе примѣровъ изъ всякихъ языковъ отъ пермяцкаго до санскрита и отъ осетинскаго до венгерскаго, цитаты изъ Авесты, десятки страницъ, посвященныхъ экскурсамъ въ область финно-угорскихъ языковъ, нѣкоторые изъ коихъ дѣйствительно, повидимому, знакомы автору (скорѣе практически, чѣмъ научно), разсужденія о витализмѣ и неовитализмѣ, объ эволюціи органическаго и неорганическаго міра и т. п., пожалуй, могутъ даже внушить читателю нѣкоторый трепетъ, объемлющій обыкновенно

1) Г. А. Ильинскаго, одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Извѣстій».

непосвященныхъ въ преддверіи святилищъ, и заставить его увѣровать во всѣ заключенія и выводы столь хорошо вооруженнаго автора.

Къ сожалѣнію ближайшее знакомство съ книгой г. Погодина безжалостно разрушаетъ такое первое благопріятное впечатлѣніе. Начитанность автора оказывается въ большинствѣ случаевъ безплоднымъ балластомъ, чисто внѣшнимъ аксессуаромъ, своего рода бутафоріей, которая въ концѣ концовъ ничего не выясняетъ, новыхъ выводовъ не даетъ и съ успѣхомъ могла бы быть выкинута изъ книги безъ ущерба для собственныхъ наблюденій и предположеній нашего автора (большею частью сомнительныхъ, а то такъ и просто несостоятельныхъ).

Такъ совсѣмъ почти лишней является вся первая глава книги, посвященная обзору ученія объ агглютинаціи, какъ особомъ морфологическомъ признакѣ языковъ, въ трудахъ В. Ф. Гумбольдта, Штейнталя, Шлейхера и его послѣдователей, новограмматиковъ (Пауля, Дельбрюка, Бругмана), Байрна, Ф. д. Габеленца, Есперсена, Ленца, Вундта, Маутнера, Суита и др. Съ самой темой изслѣдованія (корни-основы въ славянскихъ языкахъ) она связана чисто внѣшнимъ образомъ и была бы умѣстна лишь въ настоящемъ обширномъ изслѣдованіи о сущности агглютинаціи въ языкахъ вообще, изслѣдованіи, пока еще не осуществимомъ по громадности и трудности задачи. Разсматривая скромные, нерѣдко даже мнимые, остатки корней-основъ въ славянскихъ языкахъ, стоило ли громоздить Пеліонъ на Оссу и тревожить славныя тѣни В. Ф. Гумбольдта, Потта, Шлейхера и др.? Для самого автора, какъ новичка въ области сравнительнаго языкознанія, эта глава, можетъ быть, и была нужна, но освѣдомленному читателю, особенно спеціалисту лингвисту, она не даетъ ничего новаго.

Самъ по себѣ этотъ библіографическій очеркъ не дуренъ и довольно живо рисуетъ особенности ученій разсматриваемыхъ въ немъ авторовъ, но частью не можетъ быть названъ полнымъ [1]), частью носитъ отпечатокъ поверхностнаго дилеттантизма, вообще свойственнаго г. Погодину. Такъ Максъ Мюллеръ и Овелакъ (?!) величаются здѣсь «авторитетными» (!) писателями (стр. 34), ди-

1) Такъ авторъ почему то игнорируетъ замѣчательное для своего времени введеніе акад. Бетлинга къ его классическому труду о якутскомъ языкѣ и извѣстное разсужденіе Курціуса «Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforchung» (Лпц., 1867).

леттанты Байрнъ, Маутнеръ и гр. Шуленбургъ (!) разсматриваются серьезно на ряду съ Есперсеномъ и Ф. д. Габеленцемъ и т. д. Кстати не лишнее отмѣтить, что г. Погодинъ открываетъ здѣсь не существовавшее еще въ 1903 году (годъ изданія книги г. Погодина), четвертое изданіе классической книги Дельбрюка: «Einleitung in das Sprachstudium», явившееся якобы въ 1902 г. [1]). (см. стр. 35, прим.). Третье изданіе не менѣе классическаго труда Г. Пауля, «Principien der Sprachgeschichte», вышедшее въ 1898 г., относится нашимъ авторомъ также къ 1901 г. (стр. 34, прим. 4). Здѣсь же авторъ открываетъ какіе то *каларскіе* (?) языки (стр. 48) [2]) и т. д.

Вторая глава, разсматривающая образованіе формъ въ финно-угорскихъ и индоевропейскихъ языкахъ, также не имѣетъ прямого отношенія къ темѣ, обнаруживая сверхъ того большую сбивчивость во взглядахъ автора на основныя понятія морфологіи. Такъ въ самомъ началѣ ея (стр. 72) авторъ соглашается съ мнѣніемъ Шимони, замѣчающаго, что «*основа* слова вовсе не есть лингвистическая абстракція», какой въ его глазахъ является корень. При этомъ, однако, оказывается, что самъ авторъ въ первой главѣ называлъ корнемъ то, что Шимони считаетъ основой. Здѣсь же г. Погодинъ заявляетъ, что «наши предки» (которые? праславяне или индоевропейцы?) употребляли слогъ *зем* въ качествѣ корня въ словѣ *земля*, но въ видѣ основы въ словѣ *земной* (!) и въ тоже время, какъ отдѣльное слово (праславяне?!). Немного ниже (стр. 73) оказывается, что «на первыхъ порахъ развитія индоевропейскихъ языковъ (когда же? вскорѣ послѣ возникновенія индоевроп. праязыка, или послѣ раздѣленія его на отдѣльные индоевропейскіе языки?) корень и основа (въ ихъ современномъ значеніи) совпадали». При этомъ авторъ нигдѣ не опредѣляетъ точно, что онъ самъ разумѣетъ подъ «корнемъ» и «основой», и предоставляетъ читателю догадываться, о какихъ корняхъ и основахъ идетъ здѣсь рѣчь—фиктивныхъ или реальныхъ. Въ результатѣ получается странная для точнаго лингвиста путаница, усугубляемая еще тѣмъ, что нашъ авторъ, выразивъ согласіе съ Шимони относительно различія основы отъ корня,

---

1) Повидимому, г. Погодинъ принялъ за это изданіе совсѣмъ другую полемическую книгу Дельбрюка, «Grundfragen der Sprachforschung», вышедшую, однако, не въ 1902, а въ 1901 г. Четвертое же изданіе «Einleitung» Дельбрюка появилось лишь недавно (начало октября 1904).

2) Въ спискѣ опечатокъ ихъ мы не находимъ.

всетаки признаетъ, что опредѣленіе основы, данное Шимони, больше подходитъ къ тому, что самъ авторъ называетъ корнемъ. Читателю остается недоумѣвать, что̀ же считаетъ г. Погодинъ корнемъ—реальную основу или грамматическую фикцію прежнихъ лингвистовъ. Примѣры г. Погодина нисколько не способствуютъ разъясненію недоумѣній читателя, ибо изъ нихъ оказывается, что въ род. ед *рыбы* и глаголѣ *возить* основами являются комплексы *рыба*, *вози-* (т. е. *грамматическія фикціи*, *абстракціи*, а вѣдь «основа» — не абстракція?). Въ тоже время въ *рыбникъ*, *рыб-* есть корень. Нѣсколько строчекъ выше мы, однако, читаемъ, что *зем-* въ *земной* не корень, а основа. Почему *рыб-* въ *рыбникъ* есть корень, а *зем-* въ *зем-ной*—основа, остается секретомъ нашего автора.

Столь же смутны представленія г. Погодина объ эпохѣ, когда возникли «корни» индо-европейскихъ и финно-угорскихъ языковъ. На стр. 102 онъ говоритъ: «конечно, ни для финно-угорскаго, ни для индо-европейскаго праязыка нельзя предположить такого состоянія, въ которомъ, какъ въ изолирующихъ языкахъ, рѣчь складывается изъ неизмѣняемыхъ коротенькихъ словъ-корней. Въ обѣихъ лингвистическихъ семьяхъ, нѣтъ сомнѣнія, уже съ древнѣйшихъ временъ (т. е. немедленно послѣ ихъ возникновенія?) существовали грамматическія формы, и слова соединялись въ предложенія съ помощью грамматическихъ окончаній, суффиксовъ (!?) и другихъ средствъ, выражающихъ внутреннія отношенія между словами».

Въ приведенной тирадѣ все характерно для нашего автора, берущагося рѣшать глоттогоническія проблемы: и утвержденіе невозможности такъ называемаго корневаго періода, никогда де не существовавшаго въ индо-европ. и финно-угорскомъ праязыкахъ, и увѣренность, что слова всегда соединялись въ предложенія между прочимъ и при помощи суффиксовъ (!?), очевидно также всегда существовавшихъ. Все выражено такъ смутно, такъ сбивчиво, такъ неясна была, очевидно, мысль самому автору, что читателю остается только недоумѣвать о томъ, что̀ же авторъ разумѣетъ подъ «древнѣйшими временами» и подъ «праязыками». Повидимому, «древнѣйшія времена» всетаки новѣе эпохи «праязыковъ», потому что, отрицая существованіе корней и основъ въ «древнѣйшія времена» названныхъ семей, авторъ нѣсколько ниже всетаки предполагаетъ «для самихъ праязыковъ» самостоятельное существованіе «корней и основъ съ гласнымъ исходомъ». Изъ этихъ примѣровъ достаточно видно, что настоящему лингвисту-сравнителю глоттогоническія экскурсіи автора ничего не могутъ дать. Авторъ, очевидно, не про-

думалъ и не уяснилъ себѣ самъ основныхъ понятій сравнительной и доисторической морфологіи индо-европ. языковъ и совершенно запутался въ серьезномъ и сложномъ вопросѣ о возникновеніи флексіи, который онъ тщетно пытается выяснить въ разсматриваемой II главѣ.

Въ слѣдующей III главѣ, трактующей о корняхъ-основахъ въ сложныхъ словахъ, мы находимъ нѣсколько удачныхъ критическихъ замѣчаній относительно странной мысли г. Лося, предполагавшаго въ своемъ изслѣдованіи о сложныхъ словахъ въ польскомъ языкѣ, что индоевропейскій праязыкъ не зналъ сложныхъ словъ съ чистой основой на гласный въ первой части. Свои собственныя положенія г. Погодинъ иллюстрируетъ рядомъ удачныхъ и разнообразныхъ примѣровъ. Но и здѣсь дѣло не обходится безъ странныхъ анахронизмовъ и этимологическихъ курьезовъ. Къ первымъ принадлежитъ, напр., утвержденіе, что въ сербск. *незнàбожац* и чешск. neznaboh (язычникъ) сохранилась древняя исконная основа на ā- (стр. 128) [1]). Такимъ образомъ предполагается, что понятіе «язычества» должно было существовать еще въ ту эпоху, когда глагольныя корни-основы на *ā-* употреблялись какъ самостоятельныя слова (ср. стр. 117). Не менѣе удивительно толкованіе польскаго географическаго имени Sieruty (озеро), въ которомъ авторъ видитъ (стр. 128) чистую основу *сѣ-* (сѣять) + *рута*, нисколько не колеблясь соединять основу-корень *сѣ*, относящуюся къ глубокой древности, съ новымъ, заимствованнымъ несомнѣнно изъ нѣмецкаго, именемъ растенія *рута* (нѣм. Raute изъ латинскаго rūta = греч. ῥυτή; точное славянское соотвѣтствіе латинскому слову было бы **рыта*, а греческому—**рѣта*!). Не говоримъ уже о странности подобнаго названія *озера*, которое и само не сѣетъ руты, и не можетъ служить мѣстомъ для подобнаго посѣва. Въ культурно-историческомъ отношеніи подобное толкованіе также болѣе чѣмъ странно, ибо предполагаетъ, что въ эпоху «чистыхъ основъ-корней» уже существовала широко-развитая культура руты, растенія вообще слабо распространеннаго.

Въ этой главѣ, равно какъ и въ IV-й, трактующей собственно о корняхъ-основахъ въ славянскихъ языкахъ, находимъ также длинный рядъ новыхъ этимологій, предлагаемыхъ нашимъ авто-.

---

1) Неясно, какую «основу» имѣетъ здѣсь въ виду г. Погодинъ. Если индоевропейскую, то слѣдовало бы сказать «на ō», а не «на ā» (ср. лат. gnō-, греч. γνω- и т. д.)

ромъ. Въ сущности все «изслѣдованіе» нашего автора и состоитъ изъ ряда этимологій, нанизанныхъ другъ на друга. Пріемы, которыми г. Погодинъ пользуется въ своихъ этимологическихъ сближеніяхъ, одинаковы въ обѣихъ главахъ и свидѣтельствуютъ объ удивительной его смѣлости. Большая часть его построеній вытекаетъ изъ такого свободнаго отношенія къ выработаннымъ наукою элементарнымъ основамъ современнаго лингвистическаго метода, которое напоминаетъ времена давно уже, казалось бы, минувшія. Иногда въ основѣ этихъ этимологій лежатъ странные по своей грубости недосмотры, въ родѣ, напримѣръ, сближенія начальнаго отрицательнаго *у-* въ русск. *убогъ* и т. п. съ греческимъ отрицаніемъ *ἀ-* = индоевроп. *n̥*. Г. Погодинъ видитъ въ этомъ *у-* праслав. ѫ или ѭ (!), совершая такимъ образомъ двѣ грубѣйшихъ ошибки. Нельзя вѣдь не удивляться *слависту*, полагающему, что русск. *убогъ* и т. п. въ старославянскомъ имѣло видъ **ѫбогъ* и т. п., равно какъ нельзя не смущаться утвержденіемъ *лингвиста* (каковымъ, очевидно, себя считаетъ г. Погодинъ, разрабатывая чисто лингвистическія темы), будто греческому *ἀ-*, индоевроп. *n̥-* въ славянскомъ должно отвѣчать ѫ (а не ѧ, какъ слѣдовало бы).

Во многихъ этимологіяхъ мы находимъ замѣтное пренебреженіе семасіологической стороной, вообще свойственное многимъ прежнимъ этимологамъ, но едва ли желательное въ наше время. Въ результатѣ получается рядъ чисто внѣшнихъ сопоставленій «по созвучію», ничѣмъ не мотивированныхъ съ внутренней стороны. Авторъ, напримѣръ, часто оперируетъ съ именами растеній, отыскивая въ нихъ тѣ или другіе нужные для него корни и основы. Но при этомъ онъ совершенно не справляется съ реальными признаками растенія, которые согласовались бы съ значеніемъ устанавливаемаго имъ корня. Такъ на стр. 274—75, указавъ, что эпитетъ *собачій*, *песій* часто присоединяется къ существительному для означенія негодности, ядовитости, зловонія растенія и т. д., г. Погодинъ видитъ въ русск. *суника*, *суница* (земляника), серб. sunice (тоже, малина) праславянскую форму **сѫника*, -ница, въ которой **сѫ-* есть древняя основа, родственная индоевр. **k̂uōn*, **k̂un-* (собака). Какая связь можетъ быть у земляники съ собакой, остается для читателя загадкой. О «негодности, ядовитости и зловоніи» земляники, думается, вѣдь не можетъ быть и рѣчи?... Самое предположеніе, что суника = **сѫника*, остается висящей въ воздухѣ догадкой, ибо ни русскій, ни сербскій языки, въ которыхъ данное слово имѣется, ничего не говорятъ въ пользу ѫ, въ старослав. же и польскомъ,

сохранившихъ древніе носовые гласные, этого имени растенія нѣтъ. Неудачное сближеніе Потебни, сравнивавшаго (РФВ. 1885, № 4, 283) *суника* съ санскр. ç̄ōṇa (красный, краснота), всетаки лучше странной этимологіи г. Погодина (хотя и не допустимо въ виду ṇ).

Доводомъ въ пользу своихъ этимологій именъ растеній, производимыхъ отъ имени «собака» (мы привели только одинъ образчикъ, но у г. Погодина ихъ нѣсколько), нашъ авторъ выставляетъ тотъ фактъ, что многія другія русскія растенія называются «собака, собачка». Поэтому онъ не сомнѣвается въ томъ, что и польское sącza восходитъ къ *sunkjā и значитъ тоже «собака», хотя при этомъ слѣдовало бы справиться, имѣетъ ли польская sącza тѣ же особенности, какъ и разныя русскія «собаки»-растенія [1]).

На стр. 194 г. Погодинъ видитъ въ русскихъ названіяхъ растеній *зябра*, *зябрей* соединеніе двухъ основъ: zem- (лит. žem-) и *бър-* (лит. beriù, beřti = сыпать), которое будто бы подходитъ «къ травѣ извѣстнаго вида», какъ, напримѣръ, подходитъ де къ извѣстной травѣ названіе «кропильце». Имѣетъ ли, однако, зябрей подходящій къ этой этимологіи «извѣстный видъ», и въ чемъ этотъ «видъ» заключается, г. Погодинъ не говоритъ, да, повидимому, и не пытался справиться. Между тѣмъ одна уже лингвистическая справка въ словарѣ Даля могла бы показать нашему этимологизатору, что имя растенія *зябра*, *зябрей*, или *жабрей* [2]), имѣетъ еще синонимы: *пикульникъ* (и *пикульнягъ* — довольно частое названіе разныхъ колючихъ растеній), *колютикъ*, *бадылекъ* (отъ *боду*, *бости*, индоевр. корень bhod — колоть) и т. д., которые всѣ свидѣтельствуютъ о *колючемъ* характерѣ *зябрея* и потому позволяютъ сближать это названіе не съ *земля*, а съ (про)-*зябать*, *зябнуть*, *зубъ* (стслав. зѧб-, зѫб-, индоевр. ĝembh-, ĝombh-, ĝenobh-) и т. д. (кстати сказать, нѣмцы и называютъ это растеніе, снабженное довольно длинными колючками, — Hohlzahn). Никакого признака, который могъ бы дать растенію названіе «посыпатель земли» (какъ предполагаетъ г. Погодинъ), у него не имѣется. Самое названіе это имѣетъ крайне искусственный характеръ, мало вѣроятный для той отдаленной эпохи, когда оно должно было возникнуть по предположенію г. Погодина. Едва

---

1) «Собаками» называются усаженныя крючечками и потому очень цѣпкія, хваткія сѣмена нѣкоторыхъ сорныхъ травъ, а также нѣкоторыя ползучія травы, тоже снабженныя крючками-прицѣпками.

2) Отношеніе между этими формами (съ *з-* и съ *ж-*) вѣроятно то же, что между *зябры* и *жабры*.

ли мы ошибемся, если выскажемъ догадку, что къ этому толкованію имени *зябрей* нашъ авторъ былъ приведенъ случайнымъ внѣшнимъ сходствомъ русскаго названія растенія съ сомнительнымъ литовскимъ žemberỹs (есть и форма žembarỹs, не приведенная г. Погодинымъ, очевидно, за ея малое сходство), которое находимъ въ словарѣ Куршата съ переводомъ «Erdstreuer» и указаніемъ, что теперь это имя *языческаго бога* въ прусской Литвѣ неизвѣстно.

Невниманіе къ семасіологіи отражается и въ недоумѣніи нашего автора, удивляющагося (стр. 215), почему «вороньи ягоды» (г. Погодинъ упоминаетъ здѣсь почему то только Solanum dulcamara, оставляя въ сторонѣ S. nigrum, чаще всего и получающій названіе *вороняшекъ*, *вороньихъ ягодъ* и т. д.) у нѣмцевъ называются Nachtschatten [1]). Знакомство съ самимъ растеніемъ S. nigrum, приносящимъ *черныя* ягоды, вывело бы г. Погодина изъ его недоумѣнія.

Тотъ же недостатокъ встрѣчаемъ на стр. 166, гдѣ нашъ авторъ старается истолковать названія *паздеръ* и *пасленъ*. По его мнѣнію, въ первой части этихъ сложныхъ словъ имѣется «слово *пас-мо* (ср. др.-в.-нѣм. fasa, Faser, Franse)», почитаемое имъ, очевидно, за природное русское (въ дѣйствительности, вѣроятно, заимствованное изъ Финскаго). Не говоря уже о томъ, что сочетаніе *пас-* (волокна, бахрома) + *деръ* не должно бы «имѣть значеніе худшаго сорта льна, конопли» (какъ думаетъ г. Погодинъ), необходимо указать на полную ботаническую невозможность какихъ либо ассоціацій *льна* съ *пасленомъ*, нисколько другъ на друга не похожихъ. Названіе *па́сленъ*, повидимому, восходитъ къ *па* + *сленъ* (ср. областное уральское и астрах. *сленъ*, *слень* — твердая слизь, въ родѣ кожи, которой рыба одѣвается на зиму; *-сленъ* вѣроятно изъ **слѣнъ* [2]) или **слѣнь*, рядомъ съ которыми въ *слина* имѣется другая родственная форма корня). Что касается до *паздеръ*, то оно съ гораздо бо́льшимъ вѣроятіемъ можетъ быть разложено на **па-съ-деръ* (ср. русское областное *па́чесы* — остатокъ при оческѣ льна) или на **паз-деръ* (какъ *паз-*

1) Именемъ Nachtschatten обозначаются также разные садовые цвѣты, распускающіеся или особенно сильно благоухающіе къ ночи.

2) Въ пользу этой формы говоритъ малорусск. *пасли*. Ягоды чернаго паслена содержитъ слизистую мякоть. Красный пасленъ — S. dulcamara — могъ получить у нѣмцевъ названіе Nachtschatten уже путемъ переноса съ чернаго (S. nigrum), въ виду отсутствія прочихъ рѣзкихъ отличій отъ послѣдняго (главный въ глаза кидающійся признакъ — разный цвѣтъ ягодъ: у S. dulcamara — красный и у S. nigrum — черный).

ногть). Самое сближеніе *пас-мо* съ др.-в.-нѣм. fasa не совсѣмъ точно, такъ какъ послѣдней формѣ корня на слав. почвѣ должна бы отвѣчать форма **пос-*, каковой не встрѣчается (форма *постьнъ*, приводимая Анненковымъ въ его «Ботанич. словарѣ» изъ Академическаго словаря, не внушаетъ къ себѣ большого довѣрія).

Чтобы покончить съ ботаническими этимологіями г. Погодина, замѣтимъ, что гр. φηγός, лат. fāgus, др.-в.-нѣм. buohha, вмѣстѣ съ ихъ общепринятымъ индоевр. корнемъ bhāg-, нельзя роднить со слав. *бъзъ*, *бузина*, какъ это дѣлается на стр. 266 — 68. Во первыхъ корень bhāg-, bhag-, имѣющійся въ греческ. φάγω, φαγεῖν, φηγός и т. д., нельзя отдѣлять отъ корня bhāg-, bhag-, который находимъ въ санскр. bhajāmi — принимаю участіе, вкушаю, люблю, bhāga-s, bhaga-s, bhaktá-m и т. д. и нашемъ *богъ*, *богатый*, ясно указывающихъ на g второго ряда, а не на ĝ (палатальное), какъ думаетъ г. Погодинъ. Сближеніе *бузины* и слав. *бъзъ* съ φάγω, не говоря уже о *несъпдобности* бузинныхъ ягодъ, не допустимо въ виду разнаго вокализма корней bhāg- (φάγω, bhāgas) съ одной стороны и *bhuĝ-, *bhouĝ- или *bhauĝ (бъз-, буз-) съ другой. Фонетически возможно лишь сближеніе съ санскр. bhuja-, bhujā- и т. д. Луж. baz, малор. *бузи́к*, рядомъ съ boz и *бозина́*, *бозни́к* съ одной стороны и серб. *боза*, *бозовина*, рядомъ съ *баз*, *базовина* съ другой, могутъ объясняться вторичнымъ чередованіемъ, развившимся на чисто психологической почвѣ по типу древняго слав. чередованія о || а (въ родѣ русск. заподозрить и заподазривать).

Не лучше и зоологическія этимологіи нашего автора. Видное мѣсто среди нихъ занимаетъ рядъ словъ, производимыхъ отъ индоевр. темы *g^{u}ōu- (корова, быкъ), съ которой г. Погодинъ связываетъ самыя разнообразныя слова, въ дѣйствительности большею частью ничего или почти ничего общаго съ ней не имѣющія. Нѣкоторыя изъ этихъ этимологій невѣроятны или недоказуемы уже въ смыслѣ фонетическомъ. Г. Погодинъ предполагаетъ рядомъ съ *g^{u}ōu- и форму *g^{u}ēu-, которую видитъ въ русск. *жаворонокъ* (изъ *gēu-vornъ, стр. 147), *жукъ* (стр. 236), болг. *жюна*, *жюка*, общеслав. *жупа* (стр. 237 и слѣд.) и т. д. Не говоря уже о затрудненіяхъ семасіологическихъ (какая связь, напримѣръ, у жаворонка съ коровой?), необходимо замѣтить, что ничто не позволяетъ намъ предполагать существованіе формы корня *g^{u}ēu-, рядомъ съ имѣющимися въ отдѣльныхъ индоевр. языкахъ *g^{u}ōu-, *g^{u}ou- и *g^{u}u-. Ни одна изъ формъ отдѣльныхъ индоевр. языковъ, приводимыхъ г. Погодинымъ, не даетъ права строить подобную форму корня съ

дифтонгомъ ēu. Необходимо помнить, что не всякое ō чередуется съ ē (а стало быть и съ *e*). Достаточно указать на такіе корни, какъ *dō- (и dōu-), *ĝnō- (и ĝnōu-) и т. д., рядомъ съ которыми совсѣмъ нѣтъ формъ, въ родѣ *dē, *ĝnē- (dēu-, ĝnēu-) и т. п. Трудно предположить, чтобы формы корня съ ē изо всѣхъ отдѣльныхъ индоевр. языковъ уцѣлѣли только въ славянскомъ. Такимъ образомъ предположеніе г. Погодина является висящимъ въ воздухѣ домысломъ, не подкрѣпленнымъ никакими вѣскими доводами и ни для одного серьезнаго читателя не убѣдительнымъ. Что касается формы *gēv-vornъ, предполагаемой нашимъ авторомъ для р. *жаворонокъ*, то она недопустима и по фонетическимъ соображеніямъ, ибо неслоговое u̯ въ концѣ дифтонговъ переходитъ въ индоевропейскомъ въ v только передъ гласными звуками и никогда передъ согласными. Если бы корень *gᵘ̯ēu- дѣйствительно входилъ въ сочетаніе съ *vornъ, то изъ *gᵘ̯ēu-vornъ на слав. почвѣ могло бы получиться только *жу-ворнъ, никакъ не *жѣ-ворнъ, *жа-ворнъ.

Едва ли какую нибудь связь съ корнемъ-темой *gᵘ̯ōu- (въ лучшемъ случаѣ отдаленную и вторичную) имѣютъ приводимыя г. Погодинымъ санскритскія формы gōṇa- (быкъ), gōṇā- (изв. трава), gōṇi (корова, мѣшокъ, мѣра вмѣстимости, рваное платье), gōṇikā (шерстяное покрывало), которыя онъ систематически ошибочно пишетъ съ n вмѣсто ṇ (стр. 231—232 и слѣд.). Именно это n и указываетъ либо на неиндійское (дравидійское или коларійское) происхожденіе этихъ словъ, либо на исчезновеніе r или l передъ n (въ корняхъ *gour-, *goul-, очевидно чуждыхъ корню *gᵘ̯ōu-). Сказанное дѣлаетъ сомнительнымъ толкованіе г. Погодинымъ словъ *гуня*, *гунька* и т. д. и во всякомъ случаѣ не допускаетъ предлагаемаго имъ полнаго отожествленія формы gōṇikā съ нашимъ *гунька*.

Не убѣдительно и производство отъ того же корня русск. *га́ча*, *гачи* (стр. 228 и сл.), не невозможное фонетически, но неправдоподобное въ семасіологическомъ отношеніи. Въ виду нерѣдкаго значенія этого слова «ноги» или «части ногъ», вторичность котораго требуетъ еще доказательства (кстати, г. Погодинымъ не представленнаго), возможно скорѣе думать о связи съ санскр. gā- «идти» (въ ji-gā-mi) и т. д.

Совсѣмъ невѣроятна также этимологія слова *ястребъ*, стслав. ꙗстрѧбъ (стр. 148 и слѣд.), въ которомъ г. Погодинъ видитъ соединеніе темы *jas- (=*oḱ, ср. греч. ὠκύς, быстрый) + рѧбъ (рябой, рябчикъ и т. д.). Другое jas (= os въ осина и т. д.) онъ находитъ въ формахъ, въ родѣ польск. jarząb, jarzębina, серб. јаребина и т. д.,

получившихся будто бы изъ *jas+remb(+ina) и т. д. «съ переходомъ *s* въ *ch* и выпаденіемъ послѣдняго передъ *r*». Сохраненіе такого *ch* изъ *s* авторъ считаетъ возможнымъ допустить въ моравск. jahřabina! Не говоримъ уже о семасіологической странности сочетаній въ родѣ *jas+remb съ тѣмъ или другимъ значеніемъ («быстро-рябой» и «ясно-рябой»), ибо съ естественностью семасіологической нашъ авторъ совсѣмъ не считается, какъ мы уже видѣли. Укажемъ только, что послѣ работъ Бодуэна-де-Куртенэ, Уленбека и Педерсена современному лингвисту уже совсѣмъ неприлично утверждать, будто *s* послѣ *a* переходитъ въ *ch* передъ *r* и исчезаетъ. Равнымъ образомъ нельзя предполагать, что это *ch* могло исчезнуть вездѣ, кромѣ моравскаго jahřabina, такъ какъ процессъ такого исчезновенія относится еще къ общеслав. эпохѣ, и формы съ уцѣлѣвшимъ ch (если бы таковыя существовали, что̀ совсѣмъ невѣроятно) должны были бы сохраниться не въ одномъ моравскомъ. Что до ѭстрѧкъ, то нѣтъ никакой надобности видѣть здѣсь вслѣдъ за Л. Малиновскимъ сложеніе изъ двухъ основъ. Слово это можно съ большей естественностью возводить къ индоевр. корню *eis, *ois, *is = быстро двигаться, стремиться, бросать (санскр. iṣ-iṣ̌ati, ēṣ̌ati бросаетъ, возбуждаетъ, стремится впередъ, гр. ἰός изъ *ἰσος = стрѣла, οἶστρος изъ *οἰσ-ρο-ς оводъ, жало, бѣшенство, οἶμα = бурное нападеніе, изъ *οισ-μᾰ̯, ср. авест. aēṣ̌ma-гнѣвъ, лат. īra) и т. д. Въ основѣ нашего слова можетъ лежать та же тема, что и въ греческомъ οἶστρο-ς, распространенная суффиксомъ -n̥-bho-, который былъ перенесенъ къ ней путемъ аналогіи и «морфологической абсорпціи» отъ основъ на n-, соединенныхъ съ суффиксомъ -bho, каковы, напр., санскр. vr̥ṣ̌a-bhá-s, r̥ṣ̌á-bhá-s, (ср. vr̥ṣ̌an), греч. ἔλα-φος (= *elṇ̥-bho-s, ср. ἐλλός изъ *ἔλν-ο-ς), κόρα-φο-ς (= *korṇ̥-bho-, ср. лат. corn-ix) и т. д. Рядъ такихъ вторичныхъ образованій (большею частію имена животныхъ), при параллельныхъ темахъ на o-, имѣется напр. въ санскр. çarabhá-s (сказочное восьминогое животное, врагъ слоновъ и львовъ), гр. χίραφος (лисица), κάλαφος (родъ совы), санскр. rāsabha-s (оселъ отъ корня ras-, 3 л. ед. rasati = реветъ), санскр. sthūla-bhá- (рядомъ со sthūlá- «грубый, массивный»), гр. κρόταφος, рядомъ съ κρότος и т. д. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что къ этимъ образованіямъ принадлежитъ и ѭстрѧкъ, которое такъ относится къ основѣ, сохранившейся въ греч. οἶστρος, какъ κρόταφος къ κρότος или какъ sthūlabhá- къ sthūlá-. Сербск. jȁстријеб вмѣсто ожидаемаго *jастреб (ср. однако, мн. ч. jастребови, прилагат. jастребаст) можетъ объясняться и какимъ-нибудь вто-

рпчнымъ процессомъ, напр. народнымъ словопроизводствомъ отъ трпјебити и т. п.

Странно также производство русск. *мотыль* (мотылекъ), которое г. Погодинъ возводитъ (стр. 217) къ *нокт-ыль (ср. лат. noх, noctis, санскр. náktis и т. д.). Не говоримъ уже о немотивированности «перехода» начальнаго *н* въ *м*, но неужели нашъ авторъ серьезно думаетъ, что древніе славяне, создавшіе будто-бы это названіе, знали только *ночныхъ* бабочекъ и въ ихъ честь окрестили всѣхъ вообще бабочекъ «*ноктылями»?! Едва ли можно сомнѣваться, что, наоборотъ, дневныя бабочки во всѣ времена должны были обращать на себя большее вниманіе, хотя бы потому, что днемъ виднѣе. Ночью вѣдь и въ старину было также плохо видно, какъ и нынѣ, при чемъ всѣ порядочные люди въ это время сутокъ, тогда еще болѣе, чѣмъ теперь, имѣли обыкновеніе предаваться объятіямъ Морфея. Вообще, пускаясь въ свои ботаническія и зоологическія этимологіи, г. Погодинъ совсѣмъ не справляется съ реальными свопствами растеній и животныхъ, именами которыхъ онъ оперируетъ. Едва ли, однако, это можно считать желательнымъ и правильнымъ научнымъ пріемомъ. Поступая такимъ образомъ, нашъ авторъ впадаетъ въ ту же общеизвѣстную методологическую ошибку, которую совершали лингвисты-палеонтологи, судившіе о первобытной культурѣ на основаніи однихъ словъ и лингвистическихъ данныхъ, безъ соображенія съ данными археологіи и другихъ затрогиваемыхъ наукъ.

Въ связи съ только что разсмотрѣннымъ словопроизводствомъ (см. стр. 214—217) находится еще одинъ блестящій образчикъ пресловутаго «историко-сравнительнаго» метода г. Погодина. Встрѣтивъ въ словинскомъ словарѣ Плетершника форму нарѣчія nɛcój (гдѣ ɛ [1]) обозначаетъ вторичный неясный гласный, развившійся въ нѣкоторыхъ діалектахъ изъ общеславянскаго и словинскаго *о*, ср. параллельное посój=ночью), г. Погодинъ, ничтоже сумняся, принимаетъ ее за очевидное продолженіе параллельной индоевропейской формы корня nekt-, уцѣлѣвшей въ словинскомъ, хотя всѣ остальные индоевропейскіе и славянскіе языки указываютъ лишь на форму nokt- (или

1) Изъ типографскихъ соображеній мы употребляемъ здѣсь знакъ греч. ɛ. Въ словарѣ Плетершника примѣненъ другой знакъ, болѣе похожій на обыкновенное е, съ которымъ его легко можетъ смѣшать поверхностный читатель, плохо знакомый какъ съ словинскимъ языкомъ, такъ и съ названнымъ словаремъ.

onokt-). Опираясь на эту открытую имъ небывалую форму корня, нашъ этимологъ пускается въ дальнѣйшіе поиски ея въ славянскихъ языкахъ, привлекая «по созвучію» польск. nietota (растеніе дрокъ, а также видъ можжевельника), чешск. netata (тоже видъ можжевельника), польск. nietupa (дикій ленъ), словинск. netȩk (барвинокъ), netȩčje (брусника) и т. д., и нисколько не смущаясь тѣмъ, что никакого отношенія къ *ночи* почти всѣ эти растенія не имѣютъ и имѣть не могутъ. Для оправданія этихъ сближеній онъ ссылается на странность нѣмецкаго названія Nachtschatten, присвоеннаго одному изъ видовъ паслена, Solanum dulcamara. Выше мы уже выяснили, что въ этомъ названіи нѣтъ ничего страннаго, въ виду чернаго цвѣта ягодъ Solanum nigrum, отъ котораго имя Nachtschatten могло быть перенесено и къ другому, въ остальномъ очень похожему виду паслена—Solanum dulcamara. Несомнѣнна для г. Погодина и принадлежность сюда малорусск. *нетля* (мотылекъ), в.-русск. *нетопырь*, польск. nietopierz и т. д. Къ сожалѣнію все это этимологическое зданіе разсыпается во прахъ, въ виду безспорно вторичнаго происхожденія словинск. nɛsój, ɛ котораго не имѣетъ ничего общаго съ индоевропейскимъ e.

Можно было бы привести еще много подобныхъ примѣровъ изъ книги г. Погодина, но и этихъ образчиковъ, полагаемъ, достаточно, чтобы дать читателю ясное понятіе о совершенно не современной произвольности, поверхностности и ненаучности этимологизаторскихъ пріемовъ нашего автора. Вообще говоря, г. Погодинъ не обладаетъ сравнительно-грамматическимъ методомъ, впадая поэтому то и дѣло въ непростительныя по элементарной грубости ошибки, которыя легко могли бы быть устранены, если бы онъ задалъ себѣ трудъ какъ слѣдуетъ проштудировать хотя бы краткую сравнительную грамматику Бругмана, не говоря уже о его «Grundriss'ѣ». Такъ на стр. 160 г. Погодинъ не стѣсняется утверждать (со ссылками на превратно понятый «Grundriss» Бругмана!), что греч. π развивается только изъ k̑u̯, но не изъ q^{u}; на стр. 168 возводитъ греч. δάπεδον прямо къ *dem-pedo; на стр. 186 проситъ «припомнить» (!), что старослав. аористы *басъ*, *вѣсъ*, *чисъ* возникли вслѣдствіе удлиненія *o*, *e*, *ъ* передъ двумя согласными, почему де становится возможнымъ и общеслав. *паз-* (въ *пазногть* и пр.) возводить къ «архаическому» род. ед. *pod-s (отъ pod- нога); на стр. 204 указываетъ, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ *dem-* принимало «*передъ согласными*» (?) форму dm̥; на стр. 208 заявляетъ, что *конечное* -om даетъ на славянской почвѣ не только ъ, но и ѫ (въ пред-

логѣ сѫ—съ; т. е., значитъ, въ формахъ сѫсѣдъ, сѫгробъ предлогъ сѫ стоитъ въ концѣ слова?!): на стр. 117 и др. строитъ форму индоевроп. дат. ед. съ суффиксомъ oi (а не *ai*, какъ слѣдовало бы!): *ekuo-oi, откуда *ekuōi; на стр. 205 (прим.) возводитъ греч. σέλας и санскр. sīras къ ser-; на стр. 213 выводитъ предлогъ *до* какими то судьбами изъ dom; на стр. 273 утверждаетъ, что въ общеславянскомъ языкѣ основа *eln (греч. ἔλλος изъ ἔλνος) «должна была (?) гласить ѦЛѦ» и т. д.

Но всѣ эти образчики научныхъ пріемовъ г. Погодина меркнутъ передъ стр. 182, гдѣ онъ полагаетъ, что польскія названія «растеній» (?) ognišlepek и ognismętek восходятъ «къ глубокой древности, еще къ тому времени, когда gen. sing. отъ слова *огнь* звучалъ не *ogni*, а *ognis*», т. е., очевидно, чуть ли не къ литво-славянскому періоду (а, можетъ быть и еще къ болѣе древнему времени), или во всякомъ случаѣ къ древнѣйшей порѣ существованія славянскаго праязыка. Отсюда вытекаетъ, что ognišlepek (растеніе Calliopsis, — прибавимъ и Coriopsis) и ognismętek (якобы, «растеніе Osmy*ll*us»!) никакъ нельзя разложить на ogni-šlepek и ogni-smętek (хотя рядомъ есть совершенно аналогичныя ogni-płoń [1]), ogni-zierka, чешск. ohni-pal, ohni-para и т. д.), а слѣдуетъ дѣлить ognis-lepek (отъ *лѣпъ*, ср. польск. lepszy) и ognis-mętek, вмѣсто *ognis-mięta. Нашъ лингвистъ при этомъ нисколько не смущается тѣмъ обстоятельствомъ, что *s* послѣ *i* и передъ носовымъ согласнымъ *m* здѣсь остается, не превращаясь въ χ, какъ бы слѣдовало (впрочемъ это понятно; выше мы видѣли уже, что фонетическая судьба индоевроп. s на славянской почвѣ автору неизвѣстна), а также тѣмъ, что названіе растенія mięta представляетъ собой сравнительно новое заимствованіе изъ лат. mentha (въ свою очередь заимствованнаго изъ греч. μίνθη), которое никоимъ образомъ не могло существовать въ общеславянскомъ языкѣ въ ту «глубокую древность», когда родит. пад. отъ *огнь* еще оканчивался на -s. Не говоримъ уже о немотивированности «отвердѣнія» m (-mętek) и о странности значеній предполагаемыхъ г. Погодинымъ сложныхъ словъ. Но все это куда бы еще ни шло. Всего же хуже то, что «растеніе Osmy*ll*us» г. Погодина въ дѣйствительности оказывается вовсе не растеніемъ—а... *насѣкомымъ* Osmylus изъ отряда сѣтчатокрылыхъ, семейства Myrmeleontidae («Муравьиный левъ»), рода

1) Г. Погодинъ почему то пишетъ ognipłoń, не помѣщая этого написанія въ опечаткахъ.

Hemerobiidae, впервые установленнымъ, какъ отдѣльный видъ, ученымъ Latreille'мъ [1]). Удивительно, что г. Погодинъ, нерѣдко ссылающійся на извѣстный «Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich» Маевскаго, не обратилъ никакого вниманія на бросающіеся съ перваго взгляда въ глаза таинственные черные кружечки (знакъ растеній) и треугольники (значекъ животнаго), стоящіе здѣсь передъ приведенными въ алфавитномъ порядкѣ въ перемежку названіями растеній и животныхъ. Передъ злосчастнымъ Osmylus у Маевскаго стоитъ какъ разъ черный треугольникъ (толкуемый въ объясненіи знаковъ «zwierzę, animal»), а дальше слѣдуютъ сокращенныя слова: Latr. (т. е. Latreille) и Złsk. (вм. Żłksk., т. е. żyłkoskrzydłowe = Nevropterae)... А разъ ognismętek оказывается *насѣкомымъ*, а не *растеніемъ*, то едва ли позволительно приводить это названіе въ связь съ мятой! Впрочемъ, отчего же и не назвать это насѣкомое «огненной мятой»? Вѣроятно и оно садится иногда отдохнуть на названное растеніе, какъ птица на вербу въ извѣстномъ анекдотѣ?

Другой методологическій перлъ въ этомъ же родѣ мы находимъ на стр. 140, гдѣ г. Погодинъ обогащаетъ литовскую флору небывалымъ растеніемъ gýnagis, значащимъ будто бы «гвоздика» (г. Погодину, очевидно, вездѣ мерещатся растенія!) При этомъ выражается напрасное недовѣріе къ предположенію Гейтлера («Lit. Stud.» 84), производящаго это слово изъ *gyv-nagis, потому, что «въ значеніи этого слова нѣтъ ничего, подтверждающаго эту этимологію (gyvnagis значило бы живой коготокъ или что нибудь въ этомъ родѣ и т. д.)». На стр. 277 прим. г. Погодинъ, со ссылкой на «Lit. Forsch.» Бецценбергера (стр. 113), снова касаясь gýnagis, также напрасно говоритъ: «Иного происхожденія и значенія лит. gýnages= латышск. dzivnags (чувствительное, *живое* мясо въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаютъ расти ногти или копыта)».

Смѣемъ завѣрить г. Погодина, что ни одинъ литовецъ не знаетъ *растенія* gýnagis, принадлежащаго къ той же небывалой и фантастической флорѣ, къ которой относится «растеніе» ognismętek = Osmylus. Справка во второмъ выпускѣ литовскаго словаря Юшкевича (Спб. 1904, стр. 433), правда, еще не вышедшемъ въ свѣтъ, когда писалась книга г. Погодина, вполнѣ оправдывая этимологію Гейтлера, гласитъ: «Gýnagis — живое подъ ногтемъ, рогомъ, копы-

1) См. D'Orbigny, «Dictionnaire universelle d'histoire naturelle», т. IX. Парижъ, 1847, 236.

томъ, костяной комель, на которомъ сидитъ рогъ» (такъ же и по-польски)». При этомъ словѣ находимъ ссылку и на gývnagis (стр. 440), означающее тоже «живое, чувствительная часть ногтя (ср. gývonis)» и т. д. Лучшіе знатоки живого литовскаго языка, въ родѣ проф. К. Явниса, также никогда и не слыхивали о такомъ литовскомъ ботаническомъ названіи. Конечно, нельзя ставить г. Погодину въ вину незнакомство съ упомянутымъ вторымъ выпускомъ словаря Юшкевича, который, можетъ быть, заставилъ бы его сначала навести болѣе точныя справки относительно этого слова (у Куршата есть только gywonìs «Leben unter dem Nagel eines Fingers, einer Zehe», приведенное и у Юшкевича и косвенно подтверждающее неодобряемую г. Погодинымъ этимологію gýnagis = gýv-nagis) Но все же случай этотъ даетъ яркую иллюстрацію той филологической «акрибіи» и «исторической» точности, которой мы вправѣ требовать и отъ носителей «историко-сравнительнаго» метода, не только отъ ихъ антиподовъ — фантазеровъ «сравнителей»... Дѣло въ томъ, что въ основѣ этого ботаническаго открытія г. Погодина лежитъ фатальный и курьезный промахъ, свидѣтельствующій объ очень поверхностномъ знаніи нашимъ лингвистомъ нѣмецкаго языка, вводившемъ его, помнится, уже не разъ въ забавныя недоразумѣнія, а также о столь же поверхностномъ и невнимательномъ способѣ его работать. Какъ разъ въ Lit. Stud. Гейтлера (стр. 84), на которыя ссылается г. Погодинъ, мы читаемъ: «gynagis—Nagelbluthe, Weisses im Nagel (aus gyv-nagis) J.», т. е. въ точномъ русскомъ переводѣ: gynagis — цвѣтеніе ногтей, бѣлое пятнышко на ногтѣ [1]) (J.=сокращеніе вм. Jacobi, имя пастора, составителя рукописнаго собранія литовскихъ словъ). Г. Погодинъ, читая Nagelbluthe, смѣшалъ нѣм. Bluthe съ Blume и вспомнилъ, очевидно, русскіе «ноготки» [2]), въ результатѣ чего обогатилъ литовскую ботаническую терминологію небывалымъ названіемъ, а «историко-сравнительный методъ» блестящимъ образчикомъ...

---

1) Значеніе не противорѣчащее значенію Юшкевича и Бецценбергера: «живое мясо подъ ногтемъ» и даже могущее вытекать изъ него.

2) Эти послѣдніе могли бы называться по нѣмецки лишь Nagel*blume*, а не Nagelblüthe, но въ дѣйствительности носятъ названіе Ringelblume или Gartenbutterblume. Употребительнѣйшее же и общеизвѣстное нѣмецкое названіе гвоздики — die Nelke — очевидно, незнакомо г. Погодину.... Впрочемъ, пренебреженіе ко всему «нѣмецкому» (а въ томъ числѣ, конечно, и къ самой «нѣмецкой» наукѣ — языкознанію), кажется, принадлежитъ къ краеугольнымъ камнямъ нашей soi disant «историко-сравнительной» школы...

Характерно, что даже слова «Weisses im Nagel», казалось бы, вполнѣ удобопонятныя, не заставили г. Погодина немножко подумать надъ невѣрнымъ толкованіемъ слова Nagelblüthe, приданнымъ имъ этому послѣднему. Таковы «особые поиски» матеріала въ работѣ г. Погодина, ближе другихъ русскихъ лингвистовъ стоявшаго къ цѣлебному источнику единственно спасительнаго «историко-сравнительнаго метода»!

Плохое знакомство нашего автора съ элементами сравнительнаго языкознанія сказывается также въ систематическомъ смѣшеніи кельтовъ-*кимровъ* съ германцами-*кимврами*, наблюдаемое вездѣ, гдѣ только приводятся формы кимрійскаго языка, обозначенныя всегда сокращеніемъ «кимвр.» (см стр. 153, 196, 198, 201, 222, 226, 247, 277, 308 прим. 1). Смѣшеніе это тѣмъ непростительнѣе, что г. Погодинъ еще недавно занимался допсторическими отношеніями древнихъ славянъ къ ихъ сосѣдямъ германцамъ и кельтамъ и потому долженъ былъ имѣть болѣе отчетливое представленіе о «кимрахъ» и «кимврахъ».

Изъ сказаннаго нами выше съ достаточной ясностью слѣдуетъ, что г. Погодинъ, въ отношеніи обладанія сравнительно-грамматическимъ методомъ, несомнѣнно не удовлетворяетъ вышеприведенному идеалу лингвиста, формулированному его учителемъ, проф. и акад. А. И. Соболевскимъ.

Что касается особой «историчности» метода нашего автора, то и здѣсь, признаться, мы не находимъ никакихъ особыхъ преимуществъ. Напротивъ, намъ думается, что г. Погодинъ, не имѣя, какъ было достаточно показано выше, права на званіе языковѣда-«сравнителя», равнымъ образомъ обнаруживаетъ и вполнѣ очевидное неумѣніе «даже стать на историческую точку зрѣнія, не только воспользоваться опытомъ историковъ».

Образчики совершенно не «исторической» путаницы въ представленіяхъ г. Погодина о возникновеніи флексіи, о распространеніи руты и мяты еще въ эпоху существованія корней-основъ и родит. ед. съ окончаніемъ -s, мы уже приводили выше. Отъ «историка» мы вправѣ требовать исторической критики обработываемаго имъ матеріала, осторожнаго отношенія къ источникамъ его и извлеченія этого матеріала изъ первыхъ рукъ, т. е. изъ памятниковъ. Ничего особенно образцоваго въ этомъ смыслѣ у г. Погодина мы, однако, не находимъ. Совсѣмъ напротивъ, подобно другимъ «сравнителямъ», обвиняемымъ «историками» въ извлеченіи матеріала изъ словарей и грамматикъ «безъ особыхъ поисковъ», и г. Погодинъ въ огромномъ

большинствѣ случаевъ тоже пользуется словарями и грамматиками, не задавая себѣ даже при этомъ труда сколько нибудь внимательно отнестись къ этимъ пособіямъ и впадая поэтому въ фатальныя недоразумѣнія, отмѣченныя нами выше и совсѣмъ не свидѣтельствующія о какомъ либо особомъ «опытѣ историковъ» или нарочитыхъ «поискахъ». Грубые промахи, въ родѣ отожествленія словин. ɛ съ индоевр. и слав. *е*, санскр. ṛ послѣ гласныхъ со слав. *н*, сербск. *узрок* (ср. польск. wzrok) съ нѣм. Ursache (стр. 209), небывалыя формы, въ родѣ «славянскаго» (?!) *здравъ* (см. стр. 255 и указатель, стр. 304) или «растеній» *ognis-mięta и gýnagis, едва ли могутъ составить рекомендацію «историчности» метода г. Погодина, указывая въ тоже время на его плохое знаніе привлекаемыхъ языковъ и крайне небрежный и поверхностный способъ работы.

Въ общемъ итогѣ приходится признать, что г. Погодинъ совершенно напрасно взялся за разрѣшеніе вопросовъ, лежащихъ по большей части внѣ его компетенціи, причемъ обнаружилъ весьма слабую обще-лингвистическую подготовку. Не удивительно, если большая часть его выводовъ и утвержденій лишена какой бы то ни было вѣроятности и правдоподобія, что̀ отнимаетъ у его книги почти всякое научное значеніе. Нельзя не пожалѣть о такомъ плачевномъ результатѣ, такъ какъ г. Погодину нельзя отказать ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, ни въ научныхъ способностяхъ и интересѣ, ни въ извѣстныхъ знаніяхъ, къ несчастію безпорядочныхъ и весьма неравномѣрныхъ. Бѣда въ томъ, что природнымъ способностямъ автора именно не хватаетъ *школы*, *метода*, и, получивъ съ самаго начала ложное направленіе, онѣ до сихъ поръ не могутъ выбиться на настоящій вѣрный путь. Работая же безъ метода, нельзя дать ничего, кромѣ «ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ» и «лингвистическихъ мечтаній», образчикомъ которыхъ является большая часть «изслѣдованія» г. Погодина и о появленіи которыхъ въ нашей научной литературѣ справедливо сожалѣетъ проф. А. И. Соболевскій [1]).

С. Буличъ.

1904, августъ — ноябрь.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

1) Лекціи по ист. русск. языка. Изд. 3-е. М. 1903. Предисловіе.